

Ирина Чернякова

**О ЧЕМ
НЕ РАССКАЗАЛ
Элиас Лённрот...**

*К истории края, где оказались сохранены
и записаны эпические песни древнего
народа*

Издательство Петрозаводского университета
1998

В очерке на основе глубокого источникововедческого анализа уникальных архивных документов рассмотрены исторические судьбы карельского народа в переломный момент его истории - на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени. Автор обнаруживает и исследует причины первого исхода карелов из юго-западного Приладожья на север Корельского уезда и в Лопские погосты, предлагает свое объяснение в значительной мере загадочной ситуации сохранения древнего карельского эпоса именно в округе Ребол и Вокнаволока, подробно освещает развитие экономических и демографических процессов в этой части Карелии более чем за столетие до прихода сюда Элиаса Лённрота. В книге предложен новый взгляд на истоки рода знаменитого рунопевца Архиппы Перттунена и выстроена его генеалогия по сведениям за XVIII-XIX вв.

В приложении впервые публикуется фрагмент путевых записок генерал-майора Михаила Матюшкина, посланного Петром Великим в русско-шведское приграничье для подробного описания местности и составления карты накануне завершения Северной войны и заключения нового мира.

Исследование адресовано как научным работникам, так и широкой общественности, интересующейся вопросами краеведения; его результаты могут быть использованы школьными учителями, студентами и преподавателями вузов при изучении курсов Отечественной истории.

*Издание осуществлено при поддержке главы
самоуправления г. Петрозаводска
С. Л. Катанандова*

И $\frac{1805080000}{Д26(03) - 98}$ 06 - 98

© И. А. Чернякова, 1998
© Издательство Петрозаводского
университета, 1998

ISBN 5-230-08996-0

... Налетел орел - рассеял,
курохвост напал - рассыпал,
в Карьялу үнес цыпленка,
в землю русскую - другого,
третьего оставил дома...

“Калевала”, перевод А. Мишина
и Э. Кууру

Знаменитый собиратель карело-финской народной поэзии, составитель “Калевалы”, Элиас Лённрот, которому довелось жить с начала и почти до самого конца XIX века, продолжая дело своих

не менее известных предшественников Топелиуса, Шёгрена и Феллмана, в поисках новых, еще не известных научной общественности рун обошел немало деревень и хуторов в финской и в русской частях Карелии. Самыми важными для создания знаменитой “Калевалы” оказались его встречи с обитателями карельских деревень во время путешествий 1833-1837 годов, когда он побывал в северо-западной части Лопских погостов - территории, известной под этим названием еще с новгородских времен и именно так именуемой в источниках XVI, XVII и нередко XVIII столетий. Это была область к северу от Онежского озера, вплоть до государственной границы на западе и до побережья Белого моря на востоке. Поначалу их было семь, не считая тяготевшей к ним в податном отношении Шуерецкой волости: Селецкий, Паданский, Ругозерский, Шуезерский, Панозерский, Семчезерский и Линдозерский. Позднее, когда Реболы с округой в начале XVIII века были изъяты из ведения кольских воевод и включены в Олонецкий уезд, их стало восемь (рис. 1). Во времена Лённрота в административном смысле это был уже ряд отдельных волостей, входивших в состав Повенецкого уезда Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии.

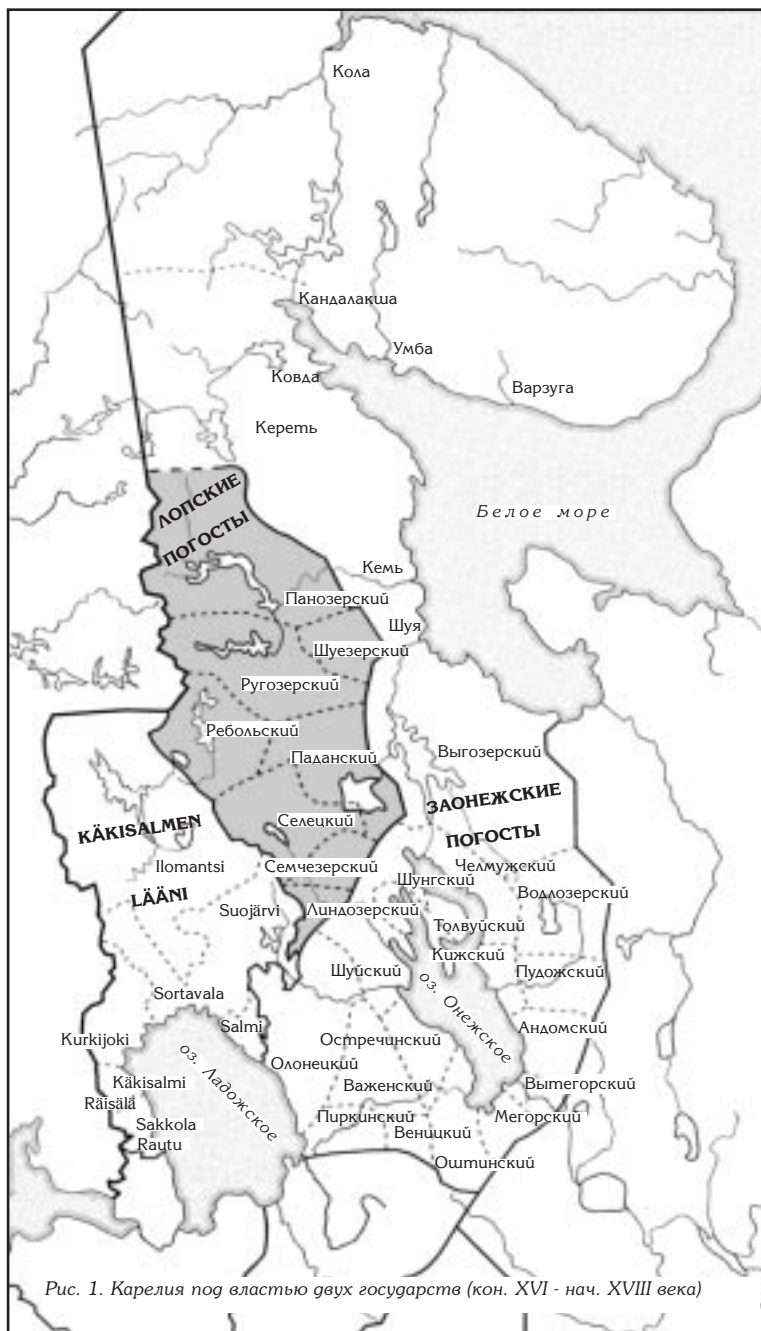

Рис. 1. Карелия под властью двух государств (кон. XVI - нач. XVIII века)

Известные ныне всем в мире фольклористики и каждому просвещенному человеку имена - Онтрей Малинен, Воассила Киелевяйнен, Архиппа Перттунен, Варахвонта Сиркейнен, Соава Трохкимайнен, Мартти Карьялайнен, Юрки Кеттунен, Луккани Хуотари - принадлежали талантливым сказителям, рунопевцам и заклинателям. Но все они были обычными крестьянами, одними из многих. Они так же хозяйствовали на земле, охотились и ловили рыбу, чтобы прокормить свои семьи, они так же веселились и горевали, выдавали замуж и женили детей, хоронили родителей. Они - так же, как их современники-соседи, как их отцы, деды и прадеды, жившие задолго до них на берегах этих же рек и озер, - хранили в памяти жуткие истории о бесчинствах врагов во времена военных нашествий и грабительских набегов из-за близкого рубежа, отнюдь не редких в этом приграничном крае. Впрочем, это никоим образом не мешало ни им, ни их соседям периодически ходить через границу в роли торговцев - коробейников, иногда оставаться и жить там более или менее продолжительное время, а нередко и приводить в родные деревни невест с финской стороны.

Но они были и единственными в своем роде, ибо они помнили руны, плачи, заклинания и заговоры. Помнили кто меньшее, кто большее количество стихов, и, судя по их собственным признаниям, эта память, это умение исполнять древние напевы было уже большой редкостью в современном им мире и сами они всегда подчеркивали, что их отцы и деды знали гораздо больше их.

И хотя Лённрот был более, чем настойчив, исходил и изъездил всю Карелию, побывал едва ли не в каждом крестьянском хозяйстве, где можно было ожидать встречу с интересовавшими его знатоками народной поэзии, по его собственному признанию в отчете Финскому литературному обществу, написанному в Каяни 8 марта 1838 года, именно "Вуоккиниemi и Паанаярви в русской Карелии являлись центрами историко-мифологических рун". Третьим местом, согласно его авторитетному свидетельству, где немного хуже, но все-таки помнили эпические песни, была Ребольская волость. Более того, он отмечал, что "чем дальше удаляешься от названных мест в любую сторону, тем реже встречаются такие руны"¹.

Представляется вполне целесообразным и очень заманчивым заглянуть в окрестности Ребол и Вокнаволока во времена, предшествовавшие тем, когда сюда впервые пришел Элиас Лённрот. Конечно, это можно сделать только по скучным архивным документам, ибо никаких дневни-

ков путешественников, подобных Лённроту, с тех давних пор до нас не дошло.

Ни имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн, в записках которого находим лаконичные сведения о наиболее значительных поселениях в Поморье и на Онежском озере; ни голландец Симон ван Салинген, рассказавший о своей встрече в Кандалакше с “русским философом”, автором первой карельской азбуки Федором Чудиновым; ни Генрих Штаден, бежавший из Москвы за границу через Карелию и Кольский полуостров в последней трети того же XVI столетия и предлагавший затем в Германии план завоевания этих богатых земель, не оставили сколько-нибудь подробных описаний своих впечатлений о живших здесь людях². Даже швед Олаус Магнус, чья знаменитая, не менее двадцати пяти раз изданная в Западной Европе только на протяжении XVI-го и XVII столетий “История северных народов”, гораздо лучше других подобных трудов средневековых авторов известная русскому читателю благодаря многочисленным заимствованиям в качестве иллюстраций ее заставок с любопытными зарисовками характерных для северного народного быта сенок охоты, перетаскивания лодий, военных нападений и даже приемов пыток, сообщает лишь о порубежных столкновениях шведов и “москвитов” на карельских землях в XV веке, а также о набегах новгородских ушкуйников. Кроме того, что карелы страдали от разбойных походов и тех, и других³, мы узнаем лишь, что они вели активную меновую торговлю ценными шкурками соболей, куниц и белок, и - вместе с финнами и лапландцами - снабжали дорогостоящими мехами все европейские государства⁴.

Вокнаволоок. С рис. Луиса Шарре, 1892 г.

Не занимали детали повседневного быта карельской деревни и иностранцев, побывавших в России позднее - в XVII веке, даже тех из них, кто волею судеб был непосредственно вовлечен в события большой политики на Карельском перешейке и в северо-западном Приладожье - Петра Петрея, Маттиаса Шаума и Йохана Видекина⁵.

Немногим более информативно и самое раннее из известных нам русских описаний Беломорской Карелии. Посланный из Петербурга в 1718 году генерал-майор Михаил Матюшкин, следуя вдоль рек и озер и неукоснительно отмечая их размеры в верстах, а также фиксируя расстояния, отделявшие деревни, которые он проезжал, друг от друга, от шведской границы и от Петровских заводов, составил топографически точную характеристику местности от Олонца до Колы. Однако в детальнейшем этом реестре не находим ничего, что бы касалось самих обитателей этих мест, кроме лапидарно указанного количества дворов в населенных пунктах.

Впрочем, прежде чем реализовать наш замысел, опираясь на обнаруженные в архивах старинные документы, позволим себе немного поразмышлять о том, как и когда впервые было замечено просвещенной частью общества здесь на севере Европы такое феноменальное явление как фольклор. Как к нему тогда относились? И - что представляется чрезвычайно важным - попытаемся ответить на вопрос:

ПОЧЕМУ НЕ ОКАЗАЛИСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАБЫТЫМИ ДРЕВНИЕ РУНЫ?

Известный литературовед Эйно Карху полагает, что точкой отсчета в зарождении интереса к героическому эпосу автохтонного населения Финляндии следует считать появившееся еще в далеком 1541 году стихотворное предисловие к переводу “Псалтыри”. Его автор - знаменитый деятель финляндской Реформации, основатель финской книжности Микаэль Агрикола, впервые перечислил ряд имен языческих божеств, почитавшихся у карелов и финского племени хяме (емь). В перечне, переведенном на русский язык Юго Сурхаско, названы божество леса и охоты Тапио, божество воды и рыбной ловли Ахти, сыны Калева, которые “расчистили покосы”, Вяйнямейнен, который “сковал песни”, Илмаринен, который “сделал мир и воздух, и путников вел вперед”; Рахой, что “поделил луну”; Лиеккиё, владевший травами, корнями и деревьями; Курикас, от воли которого зависела победа в войне; и

множество других богов, отвечавших за рост ржи, ячменя и овса, гороха, репы и бобов, а также за то, чтобы прибывал скот, а добывание белок и зайцев в окрестных лесах всегда было успешным⁶.

В те времена все еще широко и повсеместно бытовала эпическая поэзия и тесно связанная с ней языческая мифология. Агрикола, как церковный деятель, осуждал язычество и боролся с ним. Перечислив почитаемых народом богов, он в сердцах воскликнул: “Не глупый ли это народ, верующий в них и поклоняющийся им! Дьявол и грех довели их до такой веры. На могилы усопших приносили они пищу, причитали и плакали там”⁷. Будучи поборником Реформации, этот видный ученик Лютера и Меланхтона, ректор кафедральной школы в Або, в недалеком будущем епископ, был убежден, что подобные заблуждения могли иметь место “во времена папизма”, когда люди “открыто либо тайно поклонялись вместо Бога природным стихиям - огню, воде, земле, деревьям...”. И призывал, по-видимому, не считая язычество полностью преодоленным: “Но теперь пусть каждый почитает только Отца, Сына и Святого духа!”.

В начале 1580-х годов другой церковный деятель - Якоб Финно предпослал впервые изданному на финском языке сборнику духовных песен рассуждения о поэзии. По мнению автора, известному нам в изложении Э. Карху, следовало четко разграничивать поэзию “божественную” (церковную) и “безбожную” - (фольклорно-эпическую). Считая вторую “постыдными песнями”, он отмечал, что народ поет их на праздниках, в поездках, для веселья, состязаясь друг с другом в умении. Безоговорочно осуждая фольклор как нечто, имеющее корни в противном христианству язычестве, Финно объясняет зловерным воздействием лукавого беса то очевидное обстоятельство, что народные певцы находят самые лучшие слова, песни их слагаются быстро и складно и запоминаются теми, кто их слушает, гораздо быстрее и легче, чем тексты церковных песнопений.

В понимании финляндских деятелей эпохи европейской Реформации Агриколы и Финно, эпические песни - не что иное как суеверия невежественного и упрямого народа, сохранившего языческие традиции вопреки ортодоксальному католицизму. И для того, и для другого цель ясна - искоренить населенные мифологическими персонажами народные песнопения, как языческие, несовместимые с христианством. Они полагали, что новая реформированная церковь уже в ближайшем будущем должна справиться с этой, по их мнению, благородной, задачей.

Немного забегая вперед заметим, что эти надежды просвещенной части тогдашнего общества почти сбылись. Уже во второй половине XVIII столетия знаменитому исследователю Хенрику Габриелю Портану, получавшему тексты рун для изучения в ходе написания диссертации “О финской поэзии” от провинциальных интеллигентов, студентов и священников, было ясно, что они сохранились только в самой глубинке - в Карелии, в провинциях Саво и Кайнуу. Их полное отсутствие в южных и западных районах Финляндии он объяснял соседством шведов и усердием церковников в борьбе с язычеством⁸.

Положительный импульс в развитии интереса к национальному историческому прошлому связывают с тем, что в конце XVI века интеллектуальной элите Европы стали известны труды жившего в I веке римского историка Публия Корнелия Тацита⁹. Именно Тацит, так много внимания уделивший в своем знаменитом произведении “Германия” космогонии наступавших на Римскую империю со всех сторон варваров, обратил внимание на ту роль, которую играли в жизни древних германцев из поколения в поколение передававшиеся героические песни. Тацит поднял их значимость в глазах людей, живших много столетий спустя здесь, на севере Европы, так как убедил их: целые народы, ведущие свое начало из варварских германских племен, в поисках знаний о своем прошлом могут обратиться единственно и только к этим древним, распевно исполнявшимся преданиям. Именно в связи с мнением авторитетного античного автора просвещенная общественная мысль тогдашней Швеции стала интересоваться народной памятью, фольклором, культурно-историческая значимость которого, таким образом, начала осознаваться здесь довольно поздно - в самом конце XVI века. Однако произошло это как нельзя более кстати.

Не стоит забывать, что следующему столетию суждено было стать эпохой шведского великодержавия. Активная завоевательная политика имела успех: территория Швеции заметно увеличилась за счет присоединения Ингерманландии, Карельского перешейка, Приладожской Карелии и Финляндии. Переживавшая период активного самоутверждения нация нуждалась в героическом прошлом. Поэтому не выглядит неожиданным то, что подъемом шведской государственности оказались востребованы кардинально новые подходы к народному эпосу. В отличие от Тацита, несмотря на идеализацию первобытных нравов взиравшего на германские племена с высоты просвещенной античности как на неизмеримо отставших от цивилизации варваров, в от-

личие от Агриколы и Финно, видевших в древних песнопениях только зло язычества, шведские официальные власти мечтали увидеть в прошлом одну лишь героину и освященную традицией древность.

Полагают, что возвеличивание шведской истории на начальной стадии превращения Швеции в великую державу нередко обретало черты хорошо рассчитанной официальной политической пропаганды¹⁰. Она оказалась хорошо подготовленной трудами великих патриотов XVI века, появившихся в атмосфере соперничества с Данией и преодоления “униатской” идеологии¹¹. К тому времени уже опубликованы значительные сочинения о героическом прошлом народа, прежде всего - панегирическая “История всех королей готв и свеев” католического епископа Юханнеса Магнуса, вынужденного бежать в Рим из принявшего протестантизм отечества. Издав труд брата, тоже епископ и тоже ортодоксальный католик Олаус Магнус - знаменитый автор исчерпывающего свода географических знаний того времени - уже упоминавшейся нами “Истории северных народов”, также вынужден покинуть родину. Впрочем, их идейные противники в атмосфере наступавшей Реформации были настроены не менее патриотично. Уже стала достоянием общности старинная “Хроника готв” Олаи, заново изложенная одним из авторов перевода Нового завета на шведский язык - Олаусом Петри - под названием “Шведская хроника”.

Наконец, королевским меморандумом Густава II Адольфа, воинственно-го сына Карла IX, успешно продолжившего политику отца по расширению пределов Шведского государства, в год амбициозного вступления Швеции в общеевропейскую Тридцатилетнюю войну - в 1630-м - было велено всем священнослужителям собирать в народе героические песни и предания. Многих священников, еще недавно активно преследовавших язычество, это повергло в недоумение, некоторые, по-видимому, тайно негодовали. Какое-то время предписание короля попросту не выполнялось. И тем не менее, именно этот королевский указ принято считать своего рода “учредительным актом” собирательской работы в области фольклора на подвластной шведам территории.

Для Финляндии это было время “охоты на ведьм”¹². Правда, масштабы преследований “за ворожбу” не идут ни в какое сравнение со странами Западной Европы¹³. За все XVII столетие лишь несколько десятков человек были осуждены по обвинению в колдовстве, другие были наказаны денежными штрафами, для третьих наказание ограничилось тем, что их привязывали на какое-то время к позорному столбу. Впро-

чем, в некоторых протоколах судебных разбирательств сохранились самые ранние записи заговоров и описания языческих обрядов, что наводит на мысль о преследованиях. О том, что они действительно имели место, свидетельствуют наблюдения Лённрота, заметившего спустя много десятилетий: “финские рунопевцы до сих пор боятся, что их могут привлечь к ответственности за стихи такого рода”¹⁴. В историографии существует мнение, что обвинительные акты могли выноситься не только за применение заговоров и заклинаний, но и в связи с исполнением эпических песен, в которых власти видели то же колдовство¹⁵.

Ответ на вопрос почему именно в Ребольской округе и в окрестностях Вокнаволока удалось зафиксировать богатейшую, многогранную традицию исполнения древних рун, казалось бы, лежит на поверхности - это была самая что ни на есть карельская глубинка. Довольно убедительной, особенно в свете вышеизложенного, представляется мысль о том, что даже предположив повсеместное широчайшее распространение рунопевческой традиции, мы, реально оценивая исторические обстоятельства, понимаем: в регионах по тем временам просвещенных она имела очень мало шансов сохраниться. Ибо культура христианства, особенно в его западной, католической форме, традиционно воинственно настроена против пережитков исконной народной культуры - язычества. В этом смысле Средневековье не закончилось - и позднее

политика ортодоксального Рима, равно как и реформированной лютеранской церкви, отличалась нетерпимостью и стремлением к подавлению и искоренению инакомыслия. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что мир православия тоже не отличался веротерпимостью. Не только браки русских царственных особ нередко не могли состояться из-за разной конфессиональной принадлежности жениха и невесты, крестьянский “мир” - община в православном карельском приграничье XVII-XVIII столетия принимала на жительство “чужаков” - “выходцев из-за шведского рубе-

Церковь в Бабьей Губе. С рис. Луиса Снарре, 1892 г.

жа” только при условии отказа, пусть формального, от лютеранской веры. Наши источники неукоснительно фиксируют лиц, сделавших это в обозримом прошлом, то просто именуя их “новокрещенами” - в XVII веке, то пространно констатируя: “принял веру греческого исповедания” - в следующем - XVIII веке.

В отечественной историографии существует несколько вариантов ответа на вопрос о происхождении рун, сведенных Элиасом Лённротом в “Калевалу”. Мы намеренно не касаемся принятых в 1930-1940-е годы оценок, как имевших откровенно заданную идеологическую подоплеку¹⁶. В самом начале 1950-х годов прозвучало более взвешенное, хотя и не свободное от предвзятости, мнение Отто Куусинена¹⁷. Лейтмотивом своих размышлений о “Калевале” автор доклада на юбилейных торжествах в Петрозаводске по случаю 100-летия полного издания народного эпоса сделал высказывание самого Лённрота, убежденного в том, что “Родиной этих поэм является Карелия по обе стороны государственной границы Финляндии и России”¹⁸. Элиас Лённрот, конечно же, имел в виду приходы Кесялахти, Иломантси, Пиелисьярви, Ухту, Вокнаволоок, Реболы и другие места, которые он обошел пешком в Карелии, как на финской, так и на русской стороне. Кажется, проблема существования какой-то иной территории исконного бытования эпических песен - их прародины - мало его заботила.

Ныне, в приближении 165-летнего юбилея “Калевалы”, исследователи продолжают искать ответ на тот же вопрос. Опираясь на многолетнюю традицию финляндской историографии и собственные топонимические и генеалогические исследования, Матти Пёлля выводит родовые корни Онтрея Малинена и Архиппы Перттунена из местности Оулу в западной Финляндии¹⁹. Он считает, что прародители Малинена и Перттунена переселились на западные земли Беломорской Карелии в XVII веке и находит первые упоминания родичей Онтрея Малинена в переписной книге конца 1670-х годов в Войнице, а родичей Архиппы Перттунена в материалах первой ревизии 1720-х годов в Вокнаволоке*. Но, думается, точку в исследовании вопроса о корнях рунопевческих родов ставить еще рано.

---

* Благодарю Юрия Килина за дружескую помощь - перевод необходимых для нашего исследования фрагментов изданий на финском языке.